

привязанности к тюркизмам. Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно сказать о том, что эта статья Джавада Хейата еще раз вносит ясность у вопрос тюркизма в наследии Низами и о его турецком происхождении. Исследование является актуальным и интересным современному читателю.

Ключевые слова – Низами Гянджеви, тюркские слова в «Хамсе», тюрк, любовь к тюркизму.

Тамам Исмаилова Али кызы, докторант (Баку)

ББК 83. 3 (5Азе) – 4

УДК 82 – 3= 512. 162

Психологизм в творчестве А.П. Чехова и Джалила Мамедкулизаде

Психологизм литературного произведения подразумевает проникновение в глубину образа, выявление переживание героя, его душевных переживаний, тайных чувств. В художественной литературе в таких случаях образ представляется как «живое целое». В процессе психологического анализа характеров на передний план выдвигаются и внутренние, внешние черты героя. В частности, внешний облик героя, его манера одеваться, держать себя, время и пространство, в котором он существует, также создают определенную почву для психологического раскрытия образа. Подлинная сущность личности раскрываются в его нравственных исканиях, жизненной философии и в отношениях с окружающим его обществом.

Актуальность темы. Психологизм – особенность, отличающая самые глубокие литературные произведения и производящая наиболее сильное впечатление на читателя. Создание полнокровного образа невозможно без психологизма. События и происшествя, происходящие с героем, могут внешне предствать в одном качестве, однако преломляясь в душе героя те же события, выглядят иначе и производят на него и на читателя совсем другое впечатление. Психологизм проявляется в случаях, когда автору необходимо создать полную картину чувств и переживаний своего героя, его душевное состояние.

К числу писателей, обращавшихся в своем творчестве к психологизму, относятся Ф.М.Достоевский, Л.Толстой, А.П.Чехов, И.С.Тургенев, Ф.Стендаль, Ж.Санд, Г.Флобер, М.Пруст и многие другие. В частности, Ф.М. Достоевский писал: «Меня называют психологом. Это не совсем верно, я всего лишь реалист в самом высоком смысле слова, то есть я изображаю человеческую душу во всей ее глубине». (6,95).

Как явление литературы психологизм зародился в конце XIX – начале XX века. Здесь необходимо сделать оговорку: элементы психологизма существовали в литературе с самых давних времен. Что касается современной литературы, то психологизм, как правило, является основой всего сюжета произведения. В литературе конца XIX – начала XX столетия психологизм получил свое наивысшее развитие в произведениях Г.Флобера и Ф.М. Достоевского. Зарождение психологизма в литературе не было случайным явлением. На рубеже двух столетий – XIX и XX – в Западной Европе происходили серьезные изменения. Процесс обновления затронул самые разные аспекты литературного творчества, особое внимание привлекали взгляды модернистов. Вне всякого сомнения, психологизм составлял неотъемлемый, возможно самый важный элемент литературы модернизма. Точнее, психологизм явился его философской основой. С этой точки зрения особый интерес представляет теория, выдвинутая С. Кьеркегором. По мнению Кьеркегора, отдаление человека от физической силы и углубление его в духовный мир, связано с глубинными страхами, что представляется иррациональным явлением. Психологизм означает именно углубление в мир чувств. В своем известном труде «Страх и дрожь» философ утверждает, что силы, порождающие чувство безысходности и депрессию, происходят из страха. Спасение от этих тяжелых ощущений Кьеркегор видел в религии. В опубликованном в 1845 году труде под названием «Ступени жизненного пути» ученый предлагал новый путь: «В религии человек безоговорочно склоняется перед волей Бога и в результате обретает «истинную свободу». «Понимание – удел людей, вера их – отношение к Богу», Утверждая эту мысль, ученый приводил также определенные доказательства. Основываясь на них, Кьеркегор утверждал, что вера и ум должны развиваться параллельно, и интеллект, ум обязан подтвердить существование

Бога. Подобные мысли высказывались еще в эпоху Средневековья. Так, Фома Аквинский (1226 – 1274) представлял повиновение Богу и интеллект в тесной взаимосвязи, предлагал подтвердить существование Бога посредством науки. Фома Аквинский раскрывал психику человека именно внутри веры. После Кьеркегора вопросы психологизма подробно исследовались в трудах З. Фрейда, Ф. Ницше и других выдающихся ученых XX столетия. В целом в XX веке наблюдается качественно новый подъем литературного творчества. Именно в XX столетии достижения научно-технической революции раскрыли совершенно новые горизонты перед обществом. Вместе с тем, те же достижения, войны и революции приводили людей к разочарованию и безысходности. Что касается революций, то они несли в себе лишь разрушительное начало. В XX веке наука была направлена на познание человеком самого себя. В то время философия и литература искала выход из духовного кризиса и чувства безысходности. Некоторые мысли, высказываемые Иваном Карамазовым, героем романа русского писателя Ф.М. Достоевского в своем знаменитом романе «Братья Карамазовы», созвучен с проблемами XX века. По Достоевскому, человек, обретя свободу, обретает вместе с ней и вечную, возможно самую мучительную проблему – кому верить? Человеку для внутренней опоры необходим авторитет, тайна, наконец, чудо для того, чтобы направить именно на них свои поступки и помыслы. Поэтому, человек и человеческое общество никогда и ничего не может ненавидеть так, как ненавидит освобождение».

Одной из характерных особенностей импрессионизма, зародившегося в 60 – 70 годах XIX столетия во Франции, является заострение внимания на случайных, мимолетных событиях и деталях, создание тесной связи между ними при помощи тончайших нюансов. С этой точки зрения, творчество великого русского писателя А.П.Чехова в определенном смысле сопоставимо с импрессионизмом. В произведениях А.П.Чехова всегда присутствуют неясные и скрытые оттенки настроения. Чехов, представлял динамику человеческой души посредством психологизма. Именно благодаря такому подходу писатель сумел донести читателям все оттенки человеческих чувств. Раскрывая внутренний мир своих героев, их взгляды на описываемые события,

их характеры, Чехов усиливает психологизм произведения. Для Чехова прошлое не столь важно, писателю достаточно одного, особого мгновения, чтобы ухватить пульс жизни и уловить логику событий, раскрыть их силу. Все сказанное в полной мере относится к рассказу Чехова «Мужики». «Смерти боялись только богатые мужики. Богатея, они все меньше верили в Бога и спасение души, и свечи в храме зажигали на всякий случай, из опасения перед Страшным судом. А бедные мужики смерти не боялись. Глядя прямо в глаза старикам и старухам говорили: «пожили и хватит, помирать пора. А тем все равно. Смерти они не боялись, однако пугались всякой болезни. Чуть боль в животе или простуда старуха тут же ложилась на печь, куталась в одеяло и громко, не останавливаясь, стонала: «Ох, помираю.....». Старуха любила лечиться, и часто ходила в больницу. В больнице отрицала что ей 70 лет, говорила что 58, подозревала, что врач, узнав ее истинный возраст, не станет ее лечить и вернет обратно, сказав что ей пора умирать». (4, 284). Все сказанное и есть истинная реальность, подлинный психологизм.

Психологизм есть событие и в то же время он же сам порождает определенные явления. Старуха выдумывала ложь, именно основываясь на окружавшей ее реальности. Писатель с большим мастерством раскрывает эту взаимосвязь. В большинстве случаев А.П.Чехов показывает расхождение между мыслями человека и его поступками, доносит это до читателя при помощи юмора, и смешает его, в то же время заставляет его думать. Этот смех, тонкий и мягкий, может однако, быть и горьким. В качестве примера можно привести один из интереснейших рассказов А.П. Чехова «Ради яблок». По словам самого Чехова, яблоки принесли похитителям ту же пользу что когда-то Адаму и Еве. Владелец сада Трифон Семенович не отпустил похитителей яблок без наказания. Наказать их можно было по-разному: посадить в погреб, выпороть крапивой, или раздеть догола. Однако Трифон Семенович подготовил им наказание, по сравнению с которым и порка, и содержание в погребе были бы восприняты намного легче. Писатель доносит до читателя напряженность ситуации очень тонкими психологическими штрихами. Так, парень по приказу Трифона вынужден избить свою девушку, что он и делает. Он избивает невесту, несмотря на ее крики, бьет так, словно перед ним

не его невеста, а сам Трифон. Наконец Трифон говорит: «Ну ладно, мои дорогие, хватит. Можете идти. Прощайте! Пришлю яблочко на вашу свадьбу. (5, 23). Эти слова с одной стороны показывают страшное унижение молодых ради яблочка, а с другой стороны – раскрывают удовольствие, которое получил Трифон от этого наказания. Молодые, придя в себя после наказания, не могут, и не хотят видеть друг друга, расходятся по разным сторонам дороги – направо и налево. Это уже психологическое состояние. Этот случай, горький для молодых, для Трифона был привлекателен ощущением власти над ними.

А.П.Чехов никогда не был сторонником нравоучений в своих рассказах. Однако до Чехова еще никто не показывал трагизм народной жизни такими средствами. Мельчайшие детали помогают раскрыть глубокие явления, и Чехов, конечно же, передает их с большим мастерством.

Выдающийся азербайджанский прозаик, драматург, публицист, занимающий особое место в литературно-общественной мысли Азербайджана, Джалил Мамедкулизаде также принес в национальную литературу новые демократические идеи, которые распространял при помощи знаменитого журнала «Молла Насреддин». Произведения Джалила Мамедкулизаде создавались в лучших традициях национального реализма, поднимали самые актуальные проблемы своего времени. Писатель, мечтавший избавить свой народ от невежества и необразованности, в прозаических и драматических произведениях, и периодической печати боролся с безграмотностью, отсталостью народа. Знаменитый писатель создал образы непреходящего значения, призывающие к борьбе с отсталостью и невежеством.

До Джалила Мамедкулизаде жанр рассказа в азербайджанской литературе еще не сформировался полностью. Что касается идей его рассказов, психологизма их образов, то они вполне способны составить основу целого романа. Джалил Мамедкулизаде заложил основу реалистического рассказа в азербайджанской литературе. Он был первым писателем, «перешедшим границу» между литературным и разговорным языком; первым писателем, представившим в своих произведениях картины повседневной жизни, изображавшими не «супергероев, сверхличностей», а самых простых, обычных людей, другими

словами, «сделавшим маленького человека достойными большой литературы». Джалил Мамедкулизаде был первым писателем, отказавшимся от приукрашивания действительности, вымысла, считавшим реальную жизнь единственным спутником подлинной литературы. Посредством одного лишь типа или образа писатель привлекал читателя в огромный мир и способствовал его мыслить.

Например, рассказ «Почтовый ящик». Это произведение представляет особый интерес сразу с нескольких точек зрения. Посредством психологизма, писатель описывает простого, темного человека, его комические поступки, беспомощность, продиктованные необразованностью и невежеством. Психология беспомощного, невежественного человека, его страдания, волнение, страх, смятение, зов о помощи – все эти состояния героя доносятся до читателя с большим художественным мастерством. Выдающийся писатель и ученый литературовед Мир Джалал писал: «Мы все вышли из «Почтового ящика» Джалила Мамедкулизаде». Достоевский также говорил, что «мы все вышли из гоголевской «Шинели» (3,14). Это действительно так, поскольку названные писатели создали необычные типические образы. И у Чехова, и у Джалила Мамедкулизаде герои – рядовые люди, представители простого народа. Ситуация, в которую попал слуга Новрузали, его чувства, тонкий и в то же время горький юмор заставляют читателя думать, размышлять. Хан вручив Новрузали письмо, поручил опустить его в почтовый ящик. Темный, неграмотный Новрузали не знает, где находится почта. Хан объяснил ему, и вновь наказал, чтобы тот не отдавал никому письмо, а опустив его в ящик, вернулся домой. Однако Новрузали будучи невежей, в то же время очень ответственный и совестливый человек. Дойдя до почтового ящика, он после долгих раздумий бросает письмо в ящик. Здесь возникает другая проблема – Новрузали не знает, что делать дальше – уйти или остаться, чтобы сторожить письмо.– «И что же я вижу?! Этот тип, бесстыдно вынул письма из ящика и- себе подмышку! Он хотел было закрыть дверцу ящика и отправиться дальше. Я быстро подбежал и вцепился в руку уруса. Послушай, говорю, приятель, куда это ты несешь бумаги? Люди их что, для тебя положили? А ну, без разговоров, подобру-поздорову, положи эти бумаги на место. Пока Новрузали жив, ты бумаги его хозяина не унесешь. Нехорошо ведь. Нельзя зариться на чужое. Отдай,

говору, бумаги моего хана. А он ни в какую, вот и пошли врукопашную. А тут еще солдаты подросли из присутственного места, избивали меня и бросили в кутузку. Гурбан олум, хан, если бы не вы, меня бы давно послали бы в Сибирь. В кутузке, кроме меня еще несколько арестантов, так они сказали, что тот урус находится на службе. Ну что поделаешь? Хан, молю тебя, сам скажи кто виноват? «Хан долго хохотал, а Новрузали все продолжал молить его: «хан, ради деток своих, отпусти меня, я уйду».

Через полтора месяца Новрузали привели в суд, и решили посадить его на три месяца за «неуважение к служащему». Однако Новрузали так и не признал своей вины. (3, 128 – 129). Таким образом, Новрузали был потрясен до глубины души. Этот честный, совестливый человек, не понимая сути своего положения, сожалея, все же продолжал оправдываться. Джалил Мамедкулизаде в образе этого темного человека представляет образное проявление невежества, чрезмерную покорность, раскрывает его психологию.

Подобная тема в несколько другом ракурсе представлена А.П. Чеховым в его знаменитом рассказе «Смерть чиновника». Червяков, закашлявшись, случайно обрызгал слюной генерала. Мысль об этом, о возможном гневе генерала не дает Червякову покоя, мучает его. Наконец, Червяков просит прощения у генерала, и тот спокойно отвечает ему, что не стоит беспокоиться. Однако Червяков на этом не успокаивается. Он вновь обращается к генералу с просьбой простить его. На этот генерал отвечает холодно – «Полно вам...Я давно забыл, а вы снова об этом». Червяков с сомнением посмотрел на генерала: «Говорит, что забыл, а глаза злые, даже говорить со мной не хочет. Надо объяснить ему, что я не нарочно это сделал, это закон природы. А то подумает, что я хотел оплевать его. Если не сейчас, то потом обязательно подумает!» (4, 12).

Червяков решил вновь извиниться перед генералом. Извинения повторялись вновь и вновь. Генерал наконец потеряв терпение, закричал на Червякова – «Вон отсюда! Не смейте больше ко мне являться! –Что? – у Червякова перехватило дыхание. Генерал затопал ногами – «Вон отсюда!» Услышав это Червяков пришел домой, лег на диван и умер. (4,13). В этом рассказе Чехов виртуозно использует все возможности психологизма. Чеховский психологизм вытекает из повседневной жизни, самых обычных

будничных случаев. В рассказах Чехова описываются не экстраординарные, а напротив, самые обычные жизненные ситуации. Писатель строит повествование таким образом, что оно становится близким каждому читателю, поскольку описываемые в рассказах ситуации знакомы каждому. Психологизм Джалила Мамедкулизаде также основан на наблюдениях реальной жизни. Если в «Почтовом ящике» Новрузали всего лишь слуга, горемыка, живущий желанием исполнять любые приказы своего хозяина- хана, то Червяков в рассказе «Смерть чиновника» мелкий чиновник, готовый пресмыкаться перед вышестоящими чинами, и для которого гнев генерала оказался смертельным случаем.

В драме «Мертвецы» Джалил Мамедкулизаде мошенник и пройдолец шейх Насрулла умело используя религию и невежество людей, составляет список их умерших родственников и обещает вернуть их к жизни. Ограниченные, необразованные люди, с радостью ждут «воскрешения» своих родных и готовы пожертвовать всем ради Шейха Насруллы. Джалил Мамедкулизаде доводит ситуацию до абсурда – мужчины готовы свести своих жен и дочерей с шейхом, чтобы обеспечить им в дальнейшем место в раю. Среди тех, кто желал «воскресить» своих родных были и такие, кто в глубине опасался воскрешения своего отца, матери, брата – какую пользу они принесут, восстав из гроба? Драматург тонкими и очень точными штрихами разоблачает истинный облик этих людей. С этой точки зрения монолог пьяницы Искендера, открывавшего людям глаза на истинное положение вещей, представляет собой один из самых неповторимых монологов в мировой литературе. «Мертвецы! Сегодня шейх Насрулла встанет над вашими головами, и прочитав молитву, громким голосом позовет вас: Поднимайтесь, о благочестивые рабы Аллаха!» Однако я советую вам не следовать словам шейха. А если спросите, почему, то я готов ответить. Вы покойные, сейчас спите вечным сном и не ведаете, что творится на этом свете. Я клянусь вам Богом – как только вы высунете головы и встанете на ноги, сразу же пожалеете об этом. Придя домой, вы увидите, что двери вашего дома закрыты. Вы постучитесь в дверь, а там спросят: «Кто там?» – «Я хозяин этого дома» – ответите вы. Из-за двери вам опять же ответят – «Убирайся! Мы тебя не знаем» – «Как же так, ведь я Кербалаи Гусейнгулу, это мой дом. У меня здесь жена, дети».

– Не болтай, убирайся к черту. Твой брат Гаджи Фарадж женился на твоей жене, прибрал к рукам твой дом, а детей послал пасти скот». Еще скажут, что такому дряхлому старику место в гробу. Так что, послушайте пьяницу Искендера и покойтесь с миром, как раньше покоились. Покойтесь с миром, да упокоит Аллах ваши души!» (3,417) Монолог Искендера находится в центре произведения. Этот монолог обладает огромной обличающей силой, в нем раскрывается истинная суть деятельности священнослужителей, опасность фанатизма, суеверия. Посредством монолога Искендера Джалил Мамедкулизаде сталкивает подлинных покойников с живыми. Вера людей в «воскрешение», их покорность шейху, готовность отдать ему своих дочерей и сестер – все это свидетельствует о том, что эти люди морально уже мертвы. Эта мысль доносится посредством монолога Искендера.

В качестве примера можно привести и другое произведение Дж. Мамедкулизаде – «Кеманча». В этом произведении описывается армяно – азербайджанская война в начале XX столетия. Юзбаши Гахраман и его друзья поймали армянина по имени Бахши, и твердо намерены его убить. Однако Юзбаши жалеет армянина и хочет, чтобы тот в последний раз сыграл ему на кеманче. Бахши проворно вскочил, поставил кеманчу на колено, и начал вдохновенно играть дин из лучших азербайджанских мугамов – «Раст», затем плавно перешел на «Шикесте-Фарс». Юзбаши, слушая чарующую музыку, постепенно присел, и вроде бы незаметно, вставил кинжал в ножны. Вокруг царила тишина. (3, 435).

А Бахши все играет, уже звучит «Сегях-Забул». Музыка приводит Юзбаши в такое состояние, что его душевная боль на мгновение заставляет его забыть про армянина. Наконец, словно очнувшись, Юзбаши поднялся на ноги со словами: «слушай, армянин, возьми свою кеманчу и убирайся отсюда! Или, клянусь могилой своего отца, головой друзей, убью этим кинжалом и тебя и себя».

– Куда мне идти, господин?

– Не знаю! К черту, к себе домой!

Глядя вслед армянину, Юзбаши бросил вслед ему кинжал со словами:

«Подлая жизнь!» (3, 436).

Как видно из приведенного отрывка, Дж. Мамедкулизаде прекрасно знал психологию своего героя. Писатель четко показывает, что музыка, превратившись в невидимую, и в то же время таинственную и мощную силу, способна заставить героя глубоко чувствовать, вызывать в его душе особые переживания. В результате, события, их ход получают совершенно новое направление, поражающее читателя. В произведении «Кеманча» песня, услышанная юзбаши Гахраманом в исполнении армянина вызывает в его душе смятение, напоминает ему о самом высоком гуманизме, свойственном азербайджанскому народу. Гахраман, переживший столь глубокое душевное потрясение, уже не может убить человека.

В этом эпизоде также явственно проступает психологизм – волшебная музыка, зов сердца и сила оружия не могут сосуществовать в едином пространстве. Герой вырос под звуки этой музыки, она созвучна его душе. Дж.Мамедкулизаде показывает, что волшебная музыка есть часть наших духовных ценностей, и ничто не может заглушить эти ценности в душе главного героя. Отпустив армянина, герой словно возвышается над жестокостью жизни. Он не может справиться с собой, потому что гуманизм всегда побеждает оружие.

Литература не может существовать без образа, также как не может быть образа без характера, характера без чувств – волнений и переживаний. Таким образом, создание цельного произведения невозможно без психологизма. Образ является связующим центром всего литературного произведения, всей литературы. Писатель, используя психологизм, создает характер, показывает образ во всей глубине, со всеми сложнейшими переплетениями чувств и переживаний, взаимоотношений с собственным «я» и окружающим миром.

Литература:

1. Мир Джалал. О реализме Джалила Мамедкулизаде. Баку, 1966.
2. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – Москва, 2003
3. Джалил Мамедкулизаде Произведения. Т.1. Баку, 2004.
4. Чехов А.П. Избранные произведения. Баку, 2009.
5. Чехов А.П. Избранные произведения. – Баку – 1987
6. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Баку, 2005.

Олена Зимомря, к. філол. н., доц. (Ужгород)

УДК 821.511.141 – 3.09 «19»

ББК 83.3 (4) 2

Жанрово-тематичне розмаїття творчості Дюли Йіеша

У статті висвітлюються шляхи образно-стильового наповнення жанрових різновидів і модифікацій в угорському письменстві ХХ століття на матеріалі прози Дюли Йіеша та Ласла Балли.

Ключові слова: творчість Дюли Йіеша, художня спадщина Ласла Балли, проза, жанр, традиція, новаторство.

In the article is made an attempt to expose the ways of imagery-stilistic filling of genre varieties and modifications in Hungarian writing of 20th century in prose material of Gyula Illyés and László Ballá.

Key words: Illyés Gyulla's works, artistic heritage of László Ballá, prose, genre, tradition, innovation.

Для різножанрових творчих пошуків Дюли Йіеша (1902 – 1983), власне, як однієї з найбільш визначних постатей в угорському письменстві ХХ століття, характерний напрочуд багатий художній і стилістичний потенціал. Йому належить вагомий внесок в образно-стильове наповнення жанрових різновидів і модифікацій. Їхні ознаки примітні у здобутках Д. Йіеша як поета, прозаїка, драматурга, публіциста.

В Україні творчість угорського митця досі залишається маловивченою. У цьому зв'язку доцільно підкреслити: об'єктивне сприйняття оригіналу характерне для перекладацького досвіду Ю. Шкробинця (1928 – 2001). Так, глибоке знання текстових структур як мовою першотвору, так і мовою мети, властиве для його перекладу роману «Puszták nére» («Народжені в пустах», 1958) Д. Йіеша. Вагомий внесок у справу ознайомлення українського реципієнта з мистецьким набутком Д. Йіеша належить також І. Мегелі. З-під його пера як перекладача, зокрема, з'явилися окремими виданнями українськомовні інтерпретації повістей Ласла Балли («Зойк мідної пластини»), Ференца Мора («Чарівний